

няютъ и въ дерзости, и въ претенціозности, въ писаніяхъ ихъ видятъ одну безсмыслицу и т. п. Толстой же пользуется у своихъ современниковъ такою славою, какою никто до него не пользовался, и это наивѣрнѣйшій признакъ того, что онъ—истинный выразитель нашего времени, что онъ не выше, а какъ разъ по плечу громадному большинству нашего, такъ называемаго, интеллигентнаго общества.

Нѣкоторое время я стѣснялся назвать автора произведеній, собранныхъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Философія Общаго Дѣла“, потому что онъ самъ не хотѣлъ, чтобы съ великимъ общимъ дѣломъ спасенія отъ смерти, призывъ къ которому заключается въ книгѣ и которому онъ самъ служилъ всю долгую жизнь свою (онъ старше Толстого года на четыре), чтобы съ этимъ дѣломъ было связано имя отдѣльнаго человѣка, хотя-бы и его собственное. Его мечтою было, чтобы все имъ написанное вышло анонимно. Съ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Н-лай Ѳ-чъ служилъ въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, занимая самую скромную должность, состоящую въ томъ, чтобы отыскивать по каталогамъ требуемыя читателями книги. И однако эта, повидимому, незначительная должность сдѣлала его*), можно сказать, средоточіемъ Румянцовскаго музея, сдѣлала его извѣстнымъ многимъ серьезно занимавшимся въ книгохранилищахъ музея; и онъ изъ простаго отыскателя книгъ по каталогу обратился самъ въ драгоценный справочный каталогъ, къ которому спеціалисты обращались за указаніемъ источниковъ по ихъ спеціальностямъ. Самъ Н-лай Ѳ-чъ спеціалистомъ не былъ, но свѣдѣнія его были такъ обширны и глубоки по всѣмъ отраслямъ знанія, что не было ученаго, которому онъ не могъ-бы сообщить что-либо интересное по его предмету; а Н-лая Ѳ-ча знали и обращались къ нему за указаніями такіе ученые—спеціалисты, какъ Буслаевъ, Ровинскій... За обширность и глубину знаній къ Н-лаю Ѳ-чу питали глубокое уваженіе всѣ его сослу-

*) Какую роль въ Румянцовскомъ музеѣ игралъ П. Ѳ. Федоровъ, это видно, между прочимъ, изъ письма Георгіевскаго къ С. А. Толстой въ № 12684 Нового Времени, отъ 6-го іюля 1911 г., въ которомъ говорится: „Кажется, я остался уже единственнымъ свидѣтелемъ тѣхъ живыхъ и постоянныхъ сношеній, которыя установились между Львомъ Николаевичемъ и Николаемъ Федоровичемъ Федоровымъ въ концѣ 8-хъ и началѣ 90-хъ годовъ прошлаго XIX в. и центромъ которыхъ былъ Румянцовскій музей, гдѣ служилъ Николай Федоровичъ и откуда пользовался книгами Левъ Николаевичъ. Я помню, сколько огорченій доставляли Николаю Федоровичу тѣ противорѣчія, которыя онъ находилъ у Льва Николаевича Толстого, вашего покойнаго мужа. Однимъ изъ такихъ противорѣчій онъ считалъ отношеніе Льва Николаевича къ своимъ автографамъ. Отрицая собственность вообще, гр. Левъ Николаевичъ Толстой, однако, свои рукописи отдавалъ не Румянцовскому музею, какъ признавалъ правильнымъ Николай Федоровичъ, а вамъ, своей супругѣ, въ чѣмъ Николай Федоровичъ видѣлъ признаніе собственности. Помню, однажды Левъ Николаевичъ Толстой пришелъ къ Николаю Федоровичу, а вы, графиня, одновременно привезли еще одинъ сундучекъ съ автографами Льва Николаевича для сдачи на храненіе въ Румянцовскомъ музеѣ Николай Федоровичъ при мнѣ сталъ укорять Льва Николаевича за отдачу автографовъ вамъ, а не Румянцовскому музею въ собственность. Левъ Николаевичъ не первый разъ былъ этимъ смущенъ и отвѣтилъ Николаю Федоровичу слѣдующее: „Тутъ я ничего не могу подѣлать. Я не могу взять назадъ свое слово. Всѣ свои автографы я подарилъ Софій Андреевнѣ, и это—ея собственность“. Я былъ свидѣтелемъ этой сцены и я самъ слышалъ это заявленіе гр. Льва Николаевича Толстого о томъ, что онъ подарилъ свои автографы вамъ, графинѣ Софій Андреевнѣ Толстой, и что автографы гр. Льва Николаевича—ваша собственность. Къ сожалѣнію, нѣтъ въ живыхъ ни самихъ собесѣдниковъ—Льва Николаевича и Николая Федоровича, ни свидѣтелей ихъ бесѣды: Дмитрія Петровича Лебедева, Владимира Сергѣевича Соловьева и Ивана Михайловича Ивакина.